

Злата
РОМАНОВА

Няня для ХОЛОДНОГО
ЧУДОВИЩА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Злата Романова

Няня для холодного чудовища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69392185

SelfPub; 2023

Аннотация

Владимир Даров – мужчина, при виде которого я теряю дар речи. Красивый, уверенный в себе и успешный. А еще, он отец моей воспитанницы, я же всего лишь воспитательница в детском саду с кучей долгов и неудавшейся личной жизнью. Когда он предлагает мне стать няней для его дочери, я не могу отказаться от слишком выгодных условий. Как не могу сопротивляться и влечению, которое растет между нами с каждым днем. Но что делать, если я для него всего лишь маленький грязный секрет, который он держит под замком, не являя внешнему миру? Смириться с таким отношением? Или уйти?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Злата Романова

Няня для холодного чудовища

Пролог

– Володь... – нерешительно мнусь на пороге его кабинета.

– Я работаю, – отрезает он тоном, говорящим, что лучше мне пока исчезнуть.

И я трусливо отступаю. Иду к себе в спальню и начинаю готовиться ко сну. Надеваю пижаму – одну из тех мультяшных, которые он велел мне выбросить, потому что они слишком подростковые, и ложусь под одеяло, сдерживая слезы.

– Ты что, уже легла? – появляется на пороге мой вечно занятой любовник, начиная без преамбул раздеваться на ходу.

– Не раздевайся, – решительно говорю я, сев в постели.

– Что, *эти* дни наступили? – хмурится Владимир, держа в руках уже снятую футболку.

Я в последний раз позволяю себе бросить взгляд на его идеальный торс, любовно обводя им широкие плечи, красиво выделяющиеся мышцы и эти пресловутые кубики на животе. Короткое время этот великолепный мужчина был моим, но если я сейчас не уйду от него, то потом мне будет

невыносимо больно. Больнее, чем сейчас.

– Я больше не могу так, – говорю беспомощно, забыв, что собиралась изначально ему сказать.

Я ведь репетировала. Хотела сообщить о своем решении сухо и без эмоций, на доступном ему языке, а в итоге, могу только умоляюще смотреть на него, как потерянная девочка, нуждающаяся в любви того, кто неспособен ее дать. Кем я, собственно, и являюсь.

– Что ты не можешь, Надя? – настороженно спрашивает мужчина.

На его красивом лице застыло хмурое выражение, брови сурово сведены, а темные глаза прожигают мою голову, словно хотят пробраться внутрь и понять, что же в ней творится. Я знаю этот взгляд, он и раньше так смотрел на меня, когда не понимал, чего я от него хочу, а я не могла этого объяснить, потому что боялась.

Но я устала бояться. Устала жить в подвешенном состоянии, гадая, не бросит ли он меня сегодня. Или завтра. Потому что то, что ничего, кроме потребности в моем теле, Владимир не испытывает, я поняла давно. Просто сейчас мне этого недостаточно. Уже нет.

– Я хочу прекратить все, Володь, – говорю, глядя ему прямо в глаза, возможно, еще надеясь на что-то, но он остается равнодушен.

– Между нами? – уточняет, начиная снова натягивать на себя снятую ранее футболку.

– Да.

– Неожиданно, честно говоря, – вздыхает мужчина, словно его раздражает такое внезапное решение, только и всего. – Ладно, не собираюсь навязываться. Возвращаемся к тому, что было. Ты – няня, я твой работодатель.

– Я хочу уволиться! – выпаливаю слишком резко, потому что все силы уходят на то, чтобы сдерживать слезы, так что мои эмоции немного выходят из-под контроля.

– Уволиться? – удивляется он. – Почему? Вы же прекрасно ладите с Варей. Или ты нашла работу получше?

– Нет, пока не нашла, но я хочу уйти, – говорю твердо. – Не спрашивай почему, у меня на это свои личные причины.

– Личные, значит, – задумчиво смотрит на меня Владимир. – Ладно. А если я подниму зарплату? Останешься?

– Нет, дело не в деньгах, – упрямо качаю головой. – Мне нужно уйти и ничто не заставит меня изменить мое решение.

– Хорошо, – соглашается Владимир. – Я не могу удерживать тебя насильно, хоть мне и жаль терять такую хорошую няню. Но ты хотя бы останешься, пока я не найду тебе замену? У нас договор, Надя.

– Я останусь на неделю, но не дольше, – заявляю безапелляционно. – Согласна на неустойку за нарушение этого пункта в договоре, но лучше найти новую няню как можно скорее. Начиная искать уже завтра.

– Начинаяте, – недовольно поправляет он меня. – Раз уж между нами все кончено, то вернемся к прежней модели по-

ведения. Я постараюсь найти вам замену, Надежда, и сделать это как можно раньше. Хотя вы и подвели меня таким внезапным решением. Варе понадобится время, чтобы адаптироваться к новому человеку. Довольно бездушно с вашей стороны, не находите?

– Мне жаль, – опускаю глаза в пол. – Но мне правда нужно уйти как можно скорее. Я не знала, что так получится.

– Жаль, что не знали, – язвительно говорит он, прежде чем выйти из моей комнаты.

И тогда я, наконец, позволяю себе разрыдаться, потому что это оказалось намного больнее, чем я думала – его полное безразличие к нашему разрыву.

Кажется, уход няни задел Владимира куда больше, чем потеря любовницы. Хотя я и знала, что этого стоит ожидать, легче не становится. Я действительно ничего не значу для него и он только что доказал это лучше, чем я могла себе представить. Убил всякую надежду, которую я еще испытывала в глубине души. Растоптал мою любовь и ушел, даже не понимая, что оставил за собой одно вдребезги разбитое сердце, любящее его сильнее, чем он когда-либо сможет полюбить хоть кого-то, ведь для этого нужно быть человеком, а не расчетливым монстром.

Я все сделала правильно, решив уйти от этих неправильных и нездоровых отношений, пока не стало слишком поздно. Ну а боль... Она со временем пройдет. По крайней мере, именно так говорят все, кто когда-то пал жертвой неразде-

ленной любви.

Глава 1

Моя жена умерла через два дня после экстренного кесарева сечения, так и не придя в себя от наркоза, так что нашу дочь Варю с рождения воспитывала нянька. Она заменяла ей мать, а кое-где даже отца, потому что я слишком напряженно и много работаю, чтобы заниматься воспитанием дочери.

К сожалению, возраст бабы Маши, как называет ее Варя, дал о себе знать и женщине пришлось неожиданно уйти на покой. Я остался один на один с почти четырехлетней дочерью. И вроде бы в чем сложность найти новую няню, когда есть деньги и возможности? Но это, черт возьми, оказалось сложно! Ведь Варя не похожа ни на меня, ни на свою мать. Уж мы-то с женой никогда не страдали излишней скромностью, а дочка почему-то оказалась болезненно застенчивым ребенком. И так я пришел к гениальному выводу, что мог бы просто переманить из ее детского сада молодую воспитательницу, о которой Варя постоянно щебечет, восхищаясь, какая Надежда Игоревна хорошая и добрая.

Видел я эту Надежду. Молодая, двадцать три года, а выглядит еще моложе, к тому же зажатая и постоянно краснеет, когда я с ней заговариваю. Серая мышь, одним словом. Симпатичная, но незаметная. Такой самое место в няньках. И учитывая, что ее наняли в лучшее заведение столицы, где строгий отбор кадров, то соответствующее образование у

девчонки есть и со здоровьем порядок. Но это я еще проверю, конечно, как только получу ее согласие работать на меня.

– Надежда Игоревна, мы можем поговорить пять минут? – спрашиваю я у нее, когда приезжаю забрать дочь из сада вечером.

Приезжаю одним из последних, потому что вечерняя пробка, а я, как всегда, забыл выйти из офиса вовремя, потому что слишком много нерешенных дел.

– Конечно, – говорит она своим тихим вежливым голосом. Есть что-то успокаивающее в этом голосе, может, поэтому моей дочери она так и нравится. – Хотите присядем?

– Да, так будет лучше.

Я прохожу и сажусь на скамейку в раздевалке, пока она приземляет свою пятую точку на стул, выглядя взволнованной и смущающейся. В самом деле, это уже не смешно! Неужели влюбилась в меня? Потому что ничем другим ее реакцию я объяснить не могу. Бедняжка выглядит так, словно никогда не разговаривала с мужчинами один на один раньше.

– Вы ведь уже в курсе, что моя дочь не так легко находит общий язык не то, что со взрослыми, но даже с другими детьми? – захожу издалека.

– Да, Варя довольно стеснительная, но у нее есть подруга, довольно активная девочка, так что вам не стоит слишком переживать, – зачем-то поправляя и так идеально лежащие, скрученные в слишком тугой пучок на затылке, каштановые

волосы, говорит она. – Ваша дочь вполне успешно контактирует с другими детьми.

– Но не со взрослыми. Я ищу для нее няню, Надежда Игоревна. Ни одна из женщин, которых я нашел через агентство, ей не понравилась. И так как моя дочь имеет свои особенности, я стараюсь не давить на нее в плане общения с другими людьми. На данный момент вы единственный человек, кроме меня, который вызывает доверие у Вари. Я хотел бы предложить эту работу вам.

Этого она точно не ожидала. Воспитательница широко раскрывает свои голубые глаза, становясь похожей на рыбу, вытащенную из воды, а потом тяжело сглатывает и отводит взгляд в сторону.

– Владимир Антонович, я даже не знаю, что сказать, – взволнованно говорит она. – У меня уже есть работа. Не думаю, что...

– Я буду платить вам в два раза больше, чем вы получаете здесь, – пресекаю ее отговорки. – К тому же, так как вы будете жить с нами, вам не придется больше тратиться на съем жилья.

– Откуда вы знаете, что у меня съемное жилье? – с подозрением спрашивает она.

– Ниоткуда, я просто предположил. Многие ведь так и живут, разве нет?

– Да, конечно, – успокаивается она. – Честно говоря, это очень заманчивое предложение, потому что у меня есть

несколько невыплаченных кредитов, которые съедают большую часть моей зарплаты, но мне все же нужно подумать.

Ага, она уже у меня в кармане! Я вижу это по ее глазам, щедрая зарплата сделала свое дело. Но надо же поежовываться и набить себе цену с псевдосомнениями и временем на «подумать».

– Подумайте, – говорю с вежливой улыбкой, которая говорит, что я свой парень и опасаться меня не нужно. – Буду вам очень благодарен. Варя действительно в восторге от вас, да и на меня вы производите впечатление хорошего педагога, потому что не только моя дочь, но и другие дети вас, похоже, любят.

– Надеюсь на это, – краснеет от удовольствия эта простушка.

– Что ж, тогда я пойду, – встаю на ноги. – Еще увидимся, Надежда Игоревна. Хорошего вечера!

– Спасибо, и вам. До свиданья, Владимир Антонович! – лепечет она мне вслед, пока я иду к Варе, ожидающей меня в коридоре.

Похоже, вскоре я снова освобожусь от необходимости тратить время на поездки в детский сад. Это здорово сбивает мой обычный рабочий график, а я этого терпеть не могу.

Стать няней Вари. Очень неожиданное предложение, хоть и заманчивое. Я в долгах, как в шелках, мне нужны деньги, но если я соглашусь на эту работу, то придется иметь дело

не только с маленькой застенчивой малышкой, к которой я питаю тайную слабость, но и с ее отцом.

Владимир Антонович Даров.

Наверное, он самый красивый мужчина из всех, кого я встречала в реальной жизни. Высокий, спортивный, с густыми темными волосами и пронизательными глазами. Взрослый. Ему точно уже исполнилось тридцать, а может и больше. Раньше я никогда не обращала внимания на таких мужчин, мне было комфортнее общаться со сверстниками, да и моим единственным молодым человеком был друг детства, с которым мы расстались из-за его переезда в Польшу два года назад, а потом заболел папа и я вообще забыла о существовании парней.

Пока не познакомилась с Владимиром.

Не могу сказать, что влюблена в него, я и видела-то его от силы раз пять, но то, что он мне понравился с первого взгляда и я не могу в его присутствии вести себя как адекватный, взрослый человек невероятно смущает. Это станет проблемой, если придется жить с ним под одной крышей. А может, я привыкну и перестану трястись от одного его вида. В любом случае, предложение очень заманчивое, чтобы отказываться от него.

– Елизавета Алексеевна, можно с вами поговорить? – стучусь в дверь начальницы, прежде чем передумаю.

Тетя Лиза – давняя подруга моей покойной мамы. Только благодаря ей меня в двадцать один год, с еще неоконченным

образованием взяли сюда на работу. Потому что она знала, как мне необходимы деньги и хорошо оплачиваемая работа, и сделала все, что было в ее силах, чтобы помочь мне. И только с ней я могу посоветоваться, как мне быть с этой новой возможностью, свалившейся на меня.

– Конечно, Надя, заходи, – приглашает меня уже собравшаяся уходить женщина.

– Елизавета Алексеевна, сегодня отец одной из девочек предложил мне перейти к нему работать няней, – без предисловий, нетерпеливо выпаливаю я. – Обещал платить вдвое больше моей зарплаты здесь.

– Владимир Даров? – спрашивает она, удивляя меня своей осведомленностью. – Он говорил со мной об этом, советовался насчет тебя, Надюш. И знаешь, учитывая, что прошлая няня работала несколько лет, пока сама не решила уйти, думаю, это надежное место. Тебе ведь нужны деньги, если ребенок не проблемный, то почему бы и нет?

– И вы не обидитесь, если я уйду? – испытывая облегчение от ее реакции, выдыхаю я.

– Конечно, нет, дорогая! – отмахивается она, сжимая мою ладонь. – Я искренне переживаю за тебя, Надя. Это большая удача, что тебя хотят нанять няней, когда есть агентства с высококвалифицированными кандидатурами с многолетним опытом. Кто знает, может благодаря этой работе ты в дальнейшем сможешь найти место у другой такой же богатой семьи благодаря хорошим рекомендациям. Я бы на тво-

ем месте согласилась.

– Тогда я соглашусь, – принимаю окончательное решение. – Спасибо, тетя Лиза!

– Ну вот, я снова тетя Лиза. До чего же приятно! – улыбается она.

Я ухожу из ее кабинета с надеждой, греющей грудь, и иду домой, словно лечу на крыльях. Хоть какой-то просвет за долгое-долгое время! Я уже год работаю в детском саду, по вечерам подрабатываю, ведя странички мелких магазинов в соц. сетях, но все мои средства уходят на долги, оставшиеся после смерти отца полтора года назад.

Папа очень долго болел, помощи благотворительного фонда не хватало, пришлось брать кредиты, у нас не было ничего, что можно было бы продать, кроме его старой машины, но я очень надеялась, что операция пройдет успешно, что он вылечится. К сожалению, папа все равно скончался через пару месяцев, а долги остались и выплачивать мне их ближайшие пять лет. Из нашей съемной квартиры я переехала в коммуналку, чтобы сократить расходы, экономлю на себе, как могу, но все равно едва выживаю. Если же с новой работой все сложится, то у меня появятся хоть какие-то деньги на мелочи для себя. Так что нужно просто забыть о том, каким красивым мне кажется папа Вари, как сладко замирает мое сердце, когда я его вижу, и быть профессионалом.

Я устала так жить. Мне недавно исполнилось двадцать два года, у меня нет времени ни на что, кроме работы, и я чув-

ствую себя так, словно прожила долгую, трудную жизнь. Может, судьба, наконец, дает мне шанс что-то изменить в лучшую сторону. Я буду полной дурой, если не воспользуюсь им.

На следующее утро я собираюсь на работу, сгорая от нетерпения сообщить Владимиру, что согласна на его предложение. Мечтательно рассматриваю себя в зеркале, завязывая волосы в привычный строгий пучок. Как же мне жаль своих былых, красивых волос!

Я натуральная блондинка с редким светлым оттенком волос, но у меня был слишком уж молодой и легкомысленный вид, так что по совету тети Лизы я перекрасилась в каштановый и начала наносить на лицо макияж каждый день, чтобы казаться старше. Родители моих воспитанников не воспринимали бы всерьез девочку-подростка, а именно так я и выглядела до этих перемен. Такая уж особенность моей внешности, у меня слишком детское лицо с мягкими чертами.

– Ты мой ангелочек! – в ответ на жалобы говорил мне всегда папа. – Вот будет тебе тридцать или сорок, еще радоваться будешь, что молодо выглядишь. Твоя мама была такая же.

Да, мама была очень красивая и молодая. Она умерла, когда мне было восемнадцать, но, когда нас видели незнакомцы, они не верили, что у нее такая взрослая дочь, ведь в сорок пять лет она выглядела максимум на тридцать, и это при том, что никакие косметические вмешательства не призна-

вала.

К сожалению, пока что радоваться своим хорошим генам у меня не выходит. Так что приходится уродовать себя, лишь бы выглядеть представительнее на работе. Надеюсь, со временем, когда я покажу себя Владимиру, как хорошего работника, у меня будет возможность потихоньку отойти от этого образа и вернуться к своей изначальной внешности. Кто бы знал, как я скучаю по себе прежней в зеркале!

А если я смогу заинтересовать его, как женщина...

Нет, нет, нет! Откуда такие мысли? Прочь! В эту степь мне лучше не заходить, пока я не испортила все глупыми мечтами. То, что он вдовец, не значит, что у него нет девушки. Последнее, что мне нужно, это страдать еще и от разбитого сердца. Нет, Владимир Антонович – табу. Я не должна думать о чем-то, кроме сугубо рабочих отношений. Ради своего же блага.

Глава 2

Месяц спустя

Я совершенно зря переживала, что мне будет трудно жить под одной крышей с Владимиром, потому что, как оказалось, этот мужчина крайне редко появляется дома. Такого трудоголика я в жизни не видела, причем пропадает он не только в офисе, но и в частых командировках. Неудивительно, что ему требуется круглосуточная няня для дочери.

– Когда приедет папа? – спрашивает меня Варя за завтраком.

Малышка очень хорошо разговаривает для своих почти четырех лет, но буква «Р» у нее не всегда выговаривается, что, впрочем, нормально. В ее группе в саду есть дети, которые только учатся составлять связные предложения. И хотя папа Вари настаивает, чтобы ее водили к логопеду, я не вижу в этом необходимости, хоть и не посмела сказать ему это в лицо.

– Сказал, что сегодня вечером, – улыбаюсь я, пытаюсь ее приободрить.

Варюша болеет уже три дня, а папы рядом нет. Естественно, она скучает и немного капризничает, но Владимир уехал в командировку неделю назад.

– Ладно, – вздыхает малышка, прежде чем чихнуть.

Я подаю ей салфетку, чтобы она вытерла сопли. Когда я

попыталась сделать это сама, Варя резко воспротивилась и я больше не стала к ней лезть. Прошлая няня растила ее очень самостоятельной для ребенка такого возраста. Варя сама убирает за собой игрушки, умывается и чистит зубки без напоминаний, ходит в туалет и даже во время купания пытается делать все сама. Конечно, я помогаю, но сердце кровью обливается, потому что эта девочка определенно лишена родительской любви и заботы. Слишком серьезная и взрослая для человечка, который даже в школу еще не ходит.

– Что бы ты хотела на обед? – спрашиваю я, заметив, что она съела очень мало каши.

– Макалоны? – вопросительно смотрит на меня девочка, не уверенная, можно ли ей это.

– С сосисками? – хитро улыбаюсь я и когда она дарит мне ответную улыбку, чувствую, как щемит сердце.

Сосиски в этом доме до меня никто не покупал. А наш детский сад – слишком дорогое заведение, чтобы кормить детей богачей такой отравой. Я и сама не часто ем колбасные изделия, но иногда хочется, а так как Варя сейчас болеет, то почему бы не побаловать ее? Тем более, Владимира дома нет и он не узнает.

– Не корми мою дочь всякой дрянью, вроде чипсов и сухариков, – сказал он мне, когда вручал карточку на расходы для дома и продукты. – Преждевременный гастрит ей не нужен, а он с каждым годом выявляется у детей и подростков все раньше. Уборкой занимается клининг, но готовить для

Вари и для себя будешь сама. Можешь заказывать доставку из ресторанов, при условии, что это здоровая еда.

Я, конечно, и сама пытаюсь питаться максимально правильно, но не вижу ничего плохого в том, чтобы иногда побаловать себя. А Варя ребенок, ей тем более это необходимо. Работая воспитателем, я не раз становилась свидетельницей того, как Варя, ведомая своей лучшей подружкой Фимой, хомячит сладости, которыми щедро снабжает своего сына одна из мамочек. Пухленький и сам похожий на булочку, милый малыш Олежка, делился с девочками, потому что явно побаивался хулиганку Фиму. Но переехав в квартиру своего работодателя, я не обнаружила в шкафах что-то из сладкого или мучного, кроме темного шоколада и овсяного печенья.

– Баба Маша не покупала сладости, – призналась мне с тяжким вздохом Варя, когда я ее об этом спросила. – Но папа приносит мне шоколадку с лаботы.

Да, он приносит. Когда возвращается до того, как Варя ляжет спать, или не пропадает в очередной командировке. Вообще, переезд, которого я боялась из-за своего влечения к Владимиру, наоборот отрезвил меня. Этот мужчина открылся мне, как небрежный родитель, у которого нет времени на собственного ребенка. Эдакий папаша-кукушка. Сложно не испытывать к нему неприязнь, видя, как несчастна бедная малышка, для которой каждая встреча с папой – настоящий праздник. И когда его нет дома, я действительно про себя частенько ругаю его и возмущаюсь такой безответственностью,

но стоит ему появиться рядом...

М-да, краснеющая и мямлящая дурочка все еще на месте. Не знаю, как это объяснить, но у него такая внешность, такая энергетика, что я просто таю, как лед на солнце, и в какой-то момент забываю, что как личность – он не лучший представитель человечества. Но влюбиться в него мне теперь точно не светит, так что хоть об этом я не волнуюсь. Другое дело – реакции моего тела, ведь оно признает его самым привлекательным мужчиной, несмотря на то, что с его стороны нет даже намека на какой-либо интерес ко мне, как к женщине. Да я и не пытаюсь его привлечь, ведя себя, как обычно, и не стараясь выглядеть соблазнительно при нем.

После завтрака, я переодеваюсь из пижамы в удобные шорты и футболку, которые ношу дома, потому что моему работодателю все равно в чем я хожу, и веду Варю в гостиную. К счастью, хоть квартира у Дарова напоминает настоящий уютный дом, а не дизайнерский проект, а диван просто чудо, как хорош. Большой и удобный, я могла бы даже использовать его вместо кровати.

– Сколько косичек сегодня? – спрашиваю я у малышки, пока расчесываю ее длинные волосы.

Я не видела маму Вари или даже ее фото, но девочка просто копия своего отца, такая же темноволосая и темноглазая, с более женскими, но похожими чертами лица. И она просто обожает, когда ей заплетают косы.

– Одну, – отвечает Варя, видимо слишком утомленная бо-

лезную, чтобы попросить что-нибудь посложнее, как обычно.

Я быстро заканчиваю с ее прической и только собираюсь предложить ей посмотреть мультики, как в коридоре раздаётся шум и на пороге, гораздо раньше, чем должен был, появляется Владимир.

– Папа! – тут же оживляется Варюша, вскакивая на ноги и несясь к нему бегом.

– Малышка моя! – озаряется улыбкой усталое и осунувшееся лицо ее отца, совершенно меняющее его внешность, и я чувствую, как сердце в груди делает кульбит, потому что в такие моменты, как этот, я действительно верю, что он ее любит.

Проблема в том, что себя самого он, похоже, любит больше, и хотя я не имею никакого права осуждать, живя с этой девочкой круглосуточно, я не могу не переживать за нее и не злиться на этого нерадивого папашу, ведь он ее единственный родитель.

У меня адский график последние два месяца, с тех пор, как мой наставник и с недавнего времени партнер, Семен Львович Пашин слег с инфарктом, едва не убившим его. Пришлось взять на себя большую часть его дел, потому что в нашей стране Пашин по праву считается лучшим адвокатом и ведет он, понятное дело, не простых людей, отказываться от которых фирма не может себе позволить, даже если мне

придется пожертвовать всем своим временем и сном.

К счастью, переговоры в Питере прошли успешно и мне удалось убедить одного упрямца, который вместе со мной когда-то пробивал себе путь наверх под руководством Пашина, переехать в Москву вместе с семьей. Надеюсь, хоть теперь, подключив Луку и передав ему часть своих клиентов, я смогу вернуться к нормальной жизни, потому что Пашин точно вышел на пенсию.

Домой из этой утомительной поездки в Питер я возвращаюсь уставший до безумия. Из-за того, что Варя заболела, мне хотелось поскорее завершить дела и я даже не успел навестить двоюродного деда – самого ближайшего моего живого родственника, который живет там.

Стоит мне войти в квартиру, как моя маленькая девочка тут же бежит мне навстречу, раскрывая ручки, чтобы я поскорее ее обнял.

– Малышка моя! – не могу сдержать счастливую улыбку, потому что скучал по ней безумно.

Варя – самое дорогое, что у меня есть в жизни. И хотя в последнее время я физически не мог уделять ей много времени, я мысленно обещаю себе, что исправляюсь, как только на работе все начнет налаживаться. Может, возьму, наконец, отпуск в этом году, и отвезу свою малышку отдыхать куда-нибудь к океану.

– Папа, я болею, – трагичным голосом сообщает мне Варя, прижимая головку к моей груди.

– Да ты что!?! – ахаю я. – А я думал, Надежда меня обманула.

– Нет, я правда болею, – хихикает дочь, пока ее няня, с которой я здороваюсь кивком, проходя в гостиную, смотрит на меня так, словно я сморозил глупость.

Уже и пошутить нельзя с собственной дочерью в собственном доме! Вот ведь зануда. И хотя я крайне редко вижу с ней, эта серая мышка меня раздражает.

Честно говоря, как только Надежда переехала к нам и перестала носить свою детсадовскую строгую униформу, я понял, что девушка не совсем такая ханжа, какой я ее поначалу считал. Даже сейчас, она стоит передо мной в шортах до середины бедра и футболке, на ногах смешные носки с клоунами, а каштановые волосы того самого мышинового цвета собраны в небрежную дульку на макушке, словом, уже не воспитательница, а какой-то подросток. И я не против, мне плевать как она одевается, лишь бы о дочери моей заботилась, как надо, но эта девушка постоянно смотрит на меня неодобрительным взглядом строгой училки. Этот взгляд-то меня и бесит. Вот прямо до чертиков.

– Надежда, вы показали ее врачу? – спрашиваю я, с наслаждением приземляясь на свой удобнейший диван и продолжая обнимать Варю.

– Это просто простуда, – хмурится няня.

– Подтвержденная врачом? – уточняю я.

– Нет, – нехотя отвечает она.

Я с трудом подавляю свой гнев, чтобы не сорваться на ней. Из-за усталости и недосыпа мое терпение трещит по швам.

— Когда я прошу показать ее врачу, я не спрашиваю вашего мнения, я ожидаю, что вы выполните мой... мою просьбу, — вежливо, но жестко объясняю я. — Варя часто болеет, ее простая простуда уже переходила в фарингит и отит. Немедленно позвоните по номеру, который я вам дал, и запишите ее на первую свободную дату.

Надежда выпрямляется и смотрит на меня так, словно я пнул ее щенка, явно обиженная, что лишь больше меня раздражает. Черт, ну что за ребяческое поведение?! Взрослые люди ведь и она должна бы знать, что за косяки никто ее по головке гладить не собирается.

— Хорошо, я сейчас позвоню. Простите, — бормочет она и обходит диван, чтобы взять свой телефон с журнального столика.

Когда она наклоняется, шорты на секунду обрисовывают ее попку, весьма аппетитную, надо сказать, и я на секунду провожаю ее взглядом, пока она уходит с телефоном в другую комнату, но быстро переключаю внимание на Варю.

Не хватало только на персонал засматриваться! Это все Ася виновата. Из-за того, что я начал недавно встречаться с разведенной мамой подружки Вари, которая пока тормозит меня в плане секса, что неудивительно, учитывая мою постоянную занятость, я нахожусь на взводе уже несколько недель. В удовлетворенном состоянии я бы эту мышку-няню

и не заметил, но сейчас мне даже мало-мальски симпатичная женщина может показаться привлекательной. Надо что-то с этим делать уже. На Асю у меня далеко идущие планы, так что я не даблю, но, если она в ближайшее время не решится, придется как-то снимать скопившееся напряжение. Я в последний раз так долго был без женщины только после смерти жены, да и то с тех пор прошло несколько лет. Сейчас я уже на такие подвиги не способен.

– Пап, а это влач без уколов? – глядя на меня большими карими глазками спрашивает Варя, вырывая из моих мыслей.

– Без уколов, не бойся, малыш, – целую ее в макушку. – Он тебя просто посмотрит и выпишет лекарства, хорошо?

– Ладно, – тяжело вздыхает уже привыкшая к таким осмотрам дочка.

Надеюсь, на этот раз все простой простудой и ограничится.

Глава 3

Мне стало очень обидно от того, каким тоном Владимир разговаривал со мной из-за того, что я не отвезла Варю к врачу. Словно ребенок серьезно заболел, а я на это наплевала, хотя это совершенно не так. Варя пока только немного температурит и у нее насморк, но я с первых симптомов начала давать ей лекарства и заставляла побольше пить, варила компотики из ягод, которые заказала в эко-маркете, и заваривала чай с облепихой.

Но спорить с ним не собираюсь, я всего лишь няня, так что быстро договариваюсь о ближайшем приеме к врачу на завтра и возвращаюсь в гостиную, где Владимир устроился на диване со счастливой Варюшей, которая о чем-то щебечет, пока папа слушает с внимательным видом, хотя у него того и гляди сейчас глаза сами по себе закроются. По нему видно, что он совершенно вымотан.

– Малыш, мне надо принять душ, а потом мы вместе посмотрим что-нибудь, хорошо? – заметив, что я вернулась, встает Владимир.

Положив дочь на диван, он уходит к себе, а я занимаю его место, планируя пойти готовить как только он вернется. Варя с нетерпением ждет отца, перечисляя варианты мультфильмов, которые они могут посмотреть, но Владимир все не появляется.

– Почему папа так долго? – хмурится девочка. – Пойду, посмотрю.

– Приходи потом на кухню, я начну готовить макаронки, – говорю я ей.

Полагаю, раз Владимир дома, то будет невежливо его проигнорировать. Приготовлю, пожалуй, побольше, если он захочет пообедать с нами, хоть и сомневаюсь, что ему придутся по душе макароны с сосисками.

Я ставлю кастрюлю на плиту и режу сосиски, чтобы обжарить их с луком. Через пятнадцать минут блюдо готово, но Варя все еще не появилась. В гостиной и детской ее нет, значит, она все еще у отца в спальне. Да что же это за бермудский треугольник, в котором все пропадают без возврата?

Стучу в дверь, дожидаясь ответа, но, когда никакой реакции не поступает, тихонько открываю и заглядываю внутрь. Взгляд сразу цепляется за огромную кровать, на которой лежат мирно спящие отец и дочь. Такие похожие, не только внешне, но даже в своих одинаковых позах со сложенными на животах руками и слегка приоткрытыми ртами. Ну просто милота!

Замираю на секунду, невольно рассматривая своего такого расслабленного и более мягкого во сне начальника, обводя взглядом по-мужски красивые черты его лица, останавливаясь дольше положенного на губах, которые в своей фантазии я целую, поддавшись искушению, чтобы раз и навсегда убедиться, что ничего особенного в его поцелуях нет. Но,

конечно, в реальной жизни я такого никогда не сделаю.

Быстро ухожу, пока эти дурацкие фантазии совсем не поглотили меня, и иду к себе в комнату, где лежу, листая книгу на кровати. К сожалению, новая книга оказывается скучноватой и скоро меня начинает тянуть в сон, которому я не сопротивляюсь.

Мне снова приснилась Аня. Я просыпаюсь с болезненным чувством разочарования и обиды, потому что каждый раз, когда мне снится моя жена, что происходит все реже в последний год, я во сне забываю, что она мертва. Эти сны, где мы все еще вместе, кажутся настолько реальными, что, проснувшись, я чувствую себя обманутым. И это гораздо хуже, чем если бы она не снилась мне вообще – испытывать счастье, чтобы потом проснуться и понять, что все было нереальным. Самая изощренная пытка, которую только можно придумать для человека.

Ее нет почти четыре года. И все это время я живу с огромной глыбой льда в том месте, где должно быть мое сердце. Я не рассказываю женщинам, с которыми встречаюсь, правдивую версию своего брака. И если честно, мне плевать, как это меня характеризует.

Мы встретились с Аней, когда я только устроился к Пашину. Мне было двадцать пять, она на год младше. Мы были коллегами, только начинающими свой путь, и у нас совершенно не было времени на личную жизнь, но мы настоль-

ко сильно хотели друг друга, что съехались уже через месяц после знакомства. А когда Аня забеременела, решили пожениться. Как привыкли, на ходу.

Вообще, вся наша с ней жизнь проходила в таком ускоренном темпе, что эти два года пролетели, словно два месяца. А потом она умерла и я осознал, как много потерял, уделяя большую часть своего времени карьере, а не любимой женщине.

Сейчас я говорю всем, что наш брак с ней был просто практичным соглашением. Что мы встречались и поженились по залету. Самая большая ложь в моей жизни! Иногда я и сам в нее верю. Хочу в это верить, потому что правда намного болезненнее. Правда в том, что я настолько сильно любил свою жену, что после ее смерти от меня ничего не осталось. Ни единой эмоции, которую я мог бы подарить другой женщине. Я пуст, все мои чувства словно испарились, остались в том моменте, когда она еще была рядом, и сколько бы времени не проходило, ничто во мне уже не наполняется тем, что можно было бы подарить другой.

Я не могу ни в кого влюбиться. Я – пустышка и, рано или поздно, все мои женщины это понимают. Так что, путем проб и ошибок, оставив за собой парочку разбитых сердец, я решил, что пусть лучше они думают, что я в принципе не способен на любовь, чем мучаются от мысли, что не могут меня исцелить от любви к мертвой женщине. Ведь нельзя исцелить то, что уже умерло.

В конце концов, я принял решение жениться на той, кто будет хотя бы привлекать меня физически и будет любить мою дочь, потому что Варе почти четыре года и у нее никогда не было мамы. Только няня. Но мама ведь ей тоже нужна. И мне кажется, что Ася идеально подходит на эту роль, ведь у нее у самой есть дочь, которая дружит с Варей, она самодостаточная женщина, не охотящаяся за богатым папиком, и она кажется мне искренней. И если бы чертовы сны о моей жене не продолжали меня настигать, пробуждая то, что я хочу похоронить, я даже мог бы успешно притвориться, что между нами что-то большее, чем просто взаимная симпатия и влечение. Но чем больше я сближаюсь с Асей, тем чаще Аня приходит в мои сны...

– Папа, мы уснули! – возвращает меня в реальность удивленный голос Вари, которая, оказывается, лежит рядом.

– Видимо, так, – треплю ее по макушке, бросив взгляд на часы. – Уже вечер, малыш. Пойдем ужинать?

Я просыпаюсь и сразу же смотрю на экран телефона, понимая, что проспала два часа. Встав с кровати, иду в гостиную, где нахожу лежащую на диване и смотрящую телевизор Варю.

– Варюш, ты голодная? – спрашиваю у нее.

– Нет, мы с папой ели макалошки, – довольно сообщает та.

– А где папа?

– Ушел позвонить.

Вот значит как. Хорошо, что Владимир додумался покормить дочь тем, что я приготовила, но странно, что они не разбудили меня. Оставив девочку дальше смотреть мультики, я завариваю свежий чай, чтобы напоить ее, и пока он остывает, решаю поесть. В сковородке осталось как раз на одну порцию, значит, мой правильный босс позволил себе опуститься до стряпни из ненатуральных продуктов, как он называет колбасные изделия.

Владимир ничего не говорит мне о том, что я исчезла на два часа, может и сами они недавно проснулись, но в целом мы с Варей проводим спокойный вечер вдвоем, потому что он работает в своем домашнем кабинете.

Вообще, надо признать, что наличие целой большой комнаты, отведенной под кабинет, меня удивило, как и вся эта огромная квартира с тремя спальнями. Мне как-то не доводилось бывать в гостях у таких обеспеченных людей, так что сразу после переезда я чувствовала себя неловко в этой обстановке и боялась даже случайно разбить какую-нибудь тарелку или чашку на кухне. Но со временем освоилась. И даже в том, что убирает эти хоромы клининг, нашла большой плюс, хотя тоже не сию без дела в течение недели, ведь в доме ребенок и она может иногда набедокурить.

На следующий день я везу Варю на осмотр к врачу и с внутренним злорадством сообщаю ее отцу по телефону, что у нее и правда просто простуда.

– Хорошо, – говорит он. – Теперь вы знаете, что нужно делать, если заметите признаки болезни.

Меня дико коробит его высокомерный тон, но я просто прощаюсь и везу Варю домой. В следующие несколько дней, пока она выздоравливает, Владимир проводит с ней по одному часу вечером, но он все еще весь в работе. А может, у него есть женщина, с которой он встречается вне дома, потому что в квартире я этого человека вижу редко, словно он и не живет здесь. Приходит, как в отель, тупо переночевать и переодеться.

– Надежда, у меня намечается еще одна командировка, – говорит он мне как-то утром, дождавшись, пока я выйду из своей комнаты в семь тридцать, хотя обычно уходит намного раньше. – Мама Фимы Ася пригласила Варю на день рождения дочери. Купи подарок и отвези ее туда, про детали можешь спросить у Аси. Дать тебе ее номер?

– У меня сохранились в телефоне номера родителей детей из моей группы, – говорю я. – Сколько мне потратить на подарок?

– Сколько хочешь, – хмурится он. – Купи что-то нормальное, что нравится девочкам. Не экономь, а то неловко получится.

– Конечно, – соглашаюсь я, едва удерживаясь от желания закатить глаза.

Ну что за высокомерный осел!

Так как Варя к этому времени уже выздоровела, мы с ней

вместе идем по магазинам и выбираем для Фимы в подарок куклу, а потом покупаем Варе такую же, потому что ей *нужно*. Я не имею ничего против, потому что несмотря на то, что отец ей ни в чем не отказывает, Варя на удивление не капризная и редко просит что-то ей купить, даже из еды, не говоря уже об игрушках.

Уточнив у Аси адрес и время, я наряжаю Варю в нарядное платье, да и сама по этому случаю крашусь и укладываю волосы. Все-таки, родители Фимы тоже обеспеченные люди, так что праздник наверняка будет с размахом, но я все же не хочу переусердствовать, так как я всего лишь няня, поэтому надеваю джинсы с нарядной шелковой блузкой мятного оттенка. Все равно у меня слишком скудный гардероб, потому что я редко могу себе позволить купить обновку.

Празднование дня рождения проходит у Аси дома. Она всегда казалась мне милой девушкой, как и ее муж Кирилл, которые находясь с недавних пор в разводе умудряются довольно дружно воспитывать свою дочь. К сожалению, ни одного из гостей я не знаю, что оказывается для меня очень неловким. Это домашний праздник и детей тут мало, всего-то пять человек, зато много взрослых – родителей и друзей Аси и Кирилла. Я тут совершенно лишняя, незнакомка, которая привела лучшую подругу именинницы, и, хотя одна из гостей даже пытается меня разговорить, да и в целом все ведут себя мило, мне дико не по себе в этой компании.

Когда мы садимся за стол становится немного легче, так

как я могу просто сидеть и слушать других, не пытаюсь поддержать разговор. А после Фима начинает распаковывать свои подарки и я с облегчением думаю, что после этого можно будет уйти с чистой совестью.

– Надь, я тоже хочу хомяка, он такой милый! – восторженно сообщает мне Варя, когда они с детьми уже насмотрелись на маленького зверька, которого подарил Фиме один из друзей ее родителей. – Когда папа вернется, я его уговорю купить мне хомячка!

– Хорошо, посмотрим, что скажет твой папа, – улыбаюсь я, думая, что и сама не возражала бы против домашнего животного.

У нас с родителями был когда-то кот, который прожил с нами шесть лет. Я была безутешна, когда он умер, но хотела бы еще одного, когда у меня появится возможность жить отдельно, а не в коммуналке, как в последние пару лет.

Я даю Варе возможность поиграть с детьми еще полчаса, а потом решаю, что можно уже уйти. Подхожу к Асе и говорю, что нам уже пора.

– Конечно, Надя, как хочешь, – улыбается она, как всегда дружелюбная. – Фима была очень рада тебя видеть, ты же ее любимая воспитательница.

– Я тоже, ты устроила чудесный праздник. Варя теперь тоже хочет хомяка и собирается просить о нем отца, как только тот приедет, – признаюсь я.

– Бедный Володя, – смеется она, и от интимности ее тона

меня бросает в жар.

Володя.

Меня удивило, что Владимир общается с Асей, ведь он даже не знаком с родителями других детей из группы Вари, а тут сам, не через меня, узнал о дне рождения Фимы и получил приглашение для дочери. Допускаю, что он мог познакомиться с матерью лучшей подружки своей дочери, но это же Владимир. У него нет времени на подобные социальные взаимодействия, я вообще сомневаюсь, что у него есть даже друзья, кроме коллег. А тут такой диссонанс. И единственный вариант, который приходит мне в голову – Ася для него не просто знакомая. Что не так уж невероятно, ведь она свободна, как и он. К тому же, молода и очень красива. Стройная блондинка с выразительными глазами, легкая в общении и уверенная в себе.

Я чувствую спазм в груди при мысли, что мои догадки могут оказаться верны. Хотя и не должна. Какое мне вообще дело до его личной жизни? Я никто. Наемный персонал. А он успешный адвокат, которому под стать такая девушка, как Ася.

Тем не менее, переварить это оказывается не так уж просто. Я злюсь, я ревную, и как бы я себя не ругала, не могу подавить свои чувства к нему. Плачу ночью в подушку, а утром убеждаю себя, что все из-за отсутствия собственной личной жизни. Владимир просто единственный привлекательный мужчина в моем скудном окружении, вот и все.

Мне просто надо начать знакомиться с мужчинами и выходить в люди, ведь в те часы, когда Варя в саду и на кружках у меня появляется куча свободного времени на себя. Так и сделаю, пока совсем не сошла с ума от мыслей о своем боссе...

Глава 4

Месяц спустя

У Вари в саду концерт, на котором она выступает вместе с другими девочками. Мы пару недель разучивали танец, чтобы все было идеально, но, как назло, я подхватила простуду за несколько дней до этого события. В итоге, концерт пройдет без меня.

– М-да, ну и видок, – смотрю на себя в зеркало в ванной, когда Владимир с дочкой покидают квартиру утром.

Глаза и нос у меня покраснели, кожа тусклая, а отросшие на пару сантиметров светлые корни волос резко контрастируют с остальной каштановой массой. Я выгляжу неухоженной. И наверное, долго еще буду так выглядеть, потому что по моим подсчетам нужно копить еще пару месяцев, чтобы хватило на поход в нормальный салон красоты, где мои волосы не сожгут к черту, пытаясь вернуть им прежний цвет.

Что по-настоящему радует, так это то, что мое увлечение Владимиром пошло на убыль. Во-первых, он действительно встречается с Асей, что я поняла по случайно услышанному телефонному разговору, а во-вторых, неделю назад я познакомилась в кофейне с милым парнем Захаром. Мы вместе выпили кофе и погуляли на следующий день, но потом я заболела и общение перетекло в сообщения в мессенджере и телефонные разговоры. Могу сказать, что Захар меня дей-

ствительно увлек и я не прочь попробовать с ним, потому что пора уже открыть глаза и вынырнуть из мира фантазий и несбыточных снов.

Владимир присылает мне видео танца Варюши и я не могу сдержать улыбку, глядя, как трогательно танцуют маленькие девочки на сцене.

«Я накормлю ее после выступления и привезу ужин, так что не готовьте, а лучше полежите» – пишет он мне сообщение.

Если честно, Владимир оказался лучше, чем я о нем думала. Когда я заболела, он не стал психовать. Сам отвозит и забирает Варю из сада, каждый вечер заказывает нам ужин и настаивает, чтобы я только отдыхала и пила свои лекарства, чтобы поскорее выздороветь. Конечно, он не хочет, чтобы я заразила Варю, но все равно ведет себя терпимее, чем можно было представить, учитывая, что моя болезнь создала ему трудности и заставила больше времени тратить на ребенка.

Поев вчерашний ресторанный суп на обед, я лежу у себя в спальне, смотря фильм на телефоне и даже не замечаю, когда Варя с Владимиром возвращаются домой, пока он не стучится в мою спальню.

– Надежда, вы не спите?

Ну вот, снова этот официальный тон. Меня уже подбешивает, что он обращается ко мне исключительно на вы, хотя я и говорила, что это необязательно. Мы живем в одной квартире и я практически прислуга здесь! Может, он боится, что

я тоже вздумая фамиллярничать, если он начнет общаться со мной, как с обычным человеком?

– Нет, Владимир Антонович, – откладываю телефон, чтобы встать с кровати.

Он открывает дверь и заглядывает в комнату.

– Ну как вы? Я ужин привез, поешьте, пока горячее.

– Мне намного лучше, спасибо, – отвечаю я, одергивая свой свитер. – Я сейчас приду.

Собираю волосы в хвост и высморкавшись, потому что чертов насморк никак не пройдет, иду на кухню и вижу на столе контейнеры с очередным супом и пасту с морепродуктами. Настроение сразу же поднимается. Все-таки, Владимир хороший человек, хоть и выглядит холодным сухарем. Он ведь не обязан заботиться о моей еде, но делает это уже который день.

«Так, а ну-ка перестань им восхищаться, Надя! Думай лучше о Захаре».

Да, так безопаснее всего.

Я ем в одиночестве и убрав за собой, иду обратно к себе. Хочется пообщаться хотя бы с Варей, но у девочки слабый иммунитет, так что я избегаю ее, пока не выздоровею. Так что я набираю номер Захара и когда он отвечает, болтаю с ним не меньше часа, потому что начинаю уже сходить с ума от одиночества.

– Владимир Антонович, я могу отпроситься на один вечер

на следующей неделе? – спрашивает меня Надежда как-то утром, пока я завтракаю.

Варя еще спит, так как я просыпаюсь слишком рано для большинства людей, но после того, как Надежда недавно болела, я заметил, что она тоже уже не спит в шесть утра. Время от времени мы сталкиваемся на кухне. Как сейчас.

Я поднимаю глаза от своей тарелки, чтобы посмотреть на нее. На лице девушки читается надежда и страх, так что я понимаю, что видимо для нее намечается что-то реально важное, раз она так смотрит на меня.

– Хорошо, в какой именно день?

– В какой вам будет удобно, – робко улыбается она.

Я едва сдерживаю желание улыбнуться в ответ. Как-то так получилось, что эта мышка перестала меня раздражать и теперь ее сдержанность и скромность кажутся мне достоинствами. Не знаю, что бы я делал, если бы дома меня ждала нахальная особа, пытающаяся привлечь к себе внимание. То, что Надежде я нравлюсь я понял почти сразу, но к ее чести, девушка это никак не проявляет и держит себя в рамках. И няня она отличная, Варя ее обожает.

– Я посмотрю свое расписание и скажу вам, – говорю я ей. – Намечается что-то особенное?

– Просто свидание, – смущенно пожимает она плечами, отводя взгляд.

Свидание, значит. Занятно. Такого я не ожидал, если честно. Неужели у мышки есть личная жизнь?

– Надеюсь, вы придете ночевать домой со своего свидания, Надежда? Потому что Варе утром в сад и вы должны ее отвезти.

– Конечно! – краснеет она до корней волос.

До светлых корней, надо заметить. Не думал, что этот ее мышиный цвет волос ненатуральный. Кто в своем уме станет так уродовать себя? Но видимо, моя няня на самом деле блондинка. Интересно, почему она красит волосы? Впрочем, это не мое дело.

– Хорошо, сегодня вечером я скажу вам, на какой день вы можете назначить свое свидание.

– Спасибо, Владимир Антонович! – снова улыбается она и выглядит такой довольной, что мне хочется закатить глаза.

«Боже, Володя, какой же ты дурак! Нравишься ты ей, ха! Да она чуть ли не прыгает от радости из-за своего свидания с другим парнем. Стареешь, мужик, теряешь хватку».

Я злобно хмурюсь от своих идиотских мыслей и запикиваю в рот побольше яичницы, чтобы не начать задавать ей вопросы о ее парне. Опять-таки, не мое это дело.

Сегодня тот самый вечер. Я просто знаю это. После стольких недель, в течение которых Ася присматривалась и мариновала меня, сегодня она, наконец, сдастся. И, так и происходит.

После нашего свидания она приглашает меня к себе в квартиру. Я знаю, что это значит, не пацан уже, так что сра-

зу иду в наступление. Мы целуемся на ее диване и как только дело доходит до раздевания, она внезапно напрягается, а потом звонит ее чертов телефон и все. Свидание сорвано к черту, потому что ей нужно к бывшему мужу, который попал в аварию и это так ее расстраивает, что я решаюсь сыграть в благородного рыцаря и предлагаю подвезти, потому что еще одна авария нам точно не нужна, кто же тогда об их дочке позаботится?

Позже, вернувшись к себе в квартиру, я сижу на кухне с самым крепким кофе, который только могу приготовить, и думаю о том, что видимо Ася не мой человек. Не клеится у нас с ней. Как бы она мне не нравилась и какой бы идеальной не казалась на роль жены и матери, в эмоциональном плане я ей явно уступаю, а она явно ждет чего-то большего, чем просто хороший секс и отношения с надежным партнером.

Но как же жаль потраченного времени! Я ведь решил не быть скотиной, держал себя в штанах те пару месяцев, что мы встречались, хотя это было очень непросто для человека с моими аппетитами.

– Ох, это вы! – раздается испуганный голос Нади с порога.

Да, мысленно я ее уже смело зову Надей, потому что успел немного узнать эту пигалицу и на Надежду она никак не тянет. Ну точно девочка еще, до Надежды расти и расти! Она стоит, хватаясь за сердце, в нелепой голубой пижаме с какими-то животными, которых я не могу разглядеть, и выглядит заспанной и растрепанной.

– Кто же еще, – ехидно говорю я, не в настроении играть в вежливость сегодня.

А ведь я просто хотел побыть один и унять свое чертовое разочарование!

– Я просто не ждала вас, вы же сказали, что не придете ночевать сегодня, – защищается она, уловив мой настрой.

– За чем вы пришли, Надежда? – прямо спрашиваю я. – Берите это и оставьте меня одного, пожалуйста.

– Да, конечно! – тут же смущенно сжимается она. – Я за водой, уже ухожу.

Она быстро хватает стакан и наполнив его водой, уходит обратно к себе, а я провожаю ее аппетитную попку в пижамных шортах заинтересованным взглядом и тихо чертыхаюсь.

«Да, непорядок, Володя. Няня Надя, конечно, девушка с соответствующими изгибами, но найди-ка ты себе уже бабу, потому что не дело это – на персонал засматриваться».

Однако, на следующий же день меня накрывает такая лавина проблем из-за тупости моего клиента, что о бабах думать успеваю разве что перед сном, в те несколько секунд, в течение которых мой мозг настраивается на сон.

– Даров, да ты с ума сошел, если думаешь, что меня можно скинуть на кого-то! – появляется еще один возмущенный дядя-бизнесмен, которого я хотел отдать Луке, уже переехавшему и приступившему к работе.

– Я передал вас в руки одного из лучших адвокатов в стране, Владлен Юрьевич, – едва не закатываю глаза от его воз-

мущенной рожи. – Вы ведь наверняка слышали о Луке Ратманове? Он вел скандальное дело Озерова в прошлом году. И выиграл.

– Этот тот самый, что ли? – проявляет любопытство придурак, потому что об Озерове не знать невозможно, живя в нашей стране.

Через тридцать драгоценных минут мне удастся уговорить и подмазать Владлена не посылать нашу фирму к черту и продолжить работать с Лукой, но я хорошо так выбиваюсь из графика и пропускаю обед, что неимоверно злит. В итоге, весь день выживаю на кофе и когда через час после конца рабочего дня мне звонит няня, удивленно пялюсь на экран, потому что Надя в принципе мне не звонит, если я не в командировке.

– Да, Надежда, – беру трубку.

– Владимир Антонович, я хотела спросить, скоро ли вы вернетесь, – раздается ее робкий голос.

– Нет, у меня еще куча работы, а что? – не понимаю ее беспокойства.

– Но как же... Вы ведь сами сказали, что дадите мне выходной в четверг. Помните?

Выходной. Чтобы она могла сходить на свидание. Вот черт!

– Я забыл, Надежда, извините. Если еще не поздно, то с учетом пробок смогу быть дома через час.

Придется взять с собой работу на дом, но ничего, Варя ра-

но ложится спать. Блин, ну как же не вовремя Надя вспомнила, что ей нужна личная жизнь! До этого ведь была одна и вроде неплохо ей так жилось.

– Нет, не надо, – удивляет меня ответом девушка. – Мы в кино собирались, все равно теперь не успеем на сеанс. Давайте тогда на другой день договоримся, а сегодня я все отменяю.

– Ладно. Я поставлю себе напоминание, чтобы снова не забыть. Хочешь на завтра перенесем? Если твой парень свободен.

– Я уточню у него и скажу вам, – угрюмо отвечает она. – Ладно, тогда. Увидимся дома.

Надя вешает трубку, а я смотрю на документы перед собой и понимаю, что совершенно потерял запал.

Черт! Ну, подумаешь, забыл о нашей договоренности! Ничего непоправимого не случилось от того, что ей пришлось перенести свое свидание. И нечего тратить время на мысли о расстроенной девушке, учитывая, что она мне никто! Не мое дело – заботиться о ее чувствах. И вообще, мне же лучше, если она с этим парнем рассорится, учитывая, что ни о каких частых выходных и речи быть не может, у нее есть определенный график работы, в который всякие там свидания просто не вписываются. Это что же мне, новую няню искать, если у них все заладится?

Эх, не подумал я об этом, когда брал молодую няню... Вот с пенсионеркой таких проблем не было. Хотя, к черту ее, она

тоже меня подвела, решив, что слишком нездорова и стара для работы! А теперь и Надя принялась налаживать личную жизнь. Вот за что мне такое наказание?!

Глава 5

Я действительно мечтала об этом свидании с Захаром, потому что сто лет уже не чувствовала себя просто привлекательной девушкой, которой интересуется противоположный пол. И когда после тщательной подготовки все в последний момент сорвалось...

Я не просто расстроилась. Я также очень разозлилась на Владимира за его беспечность, за такое наплевательское отношение к моей просьбе, но именно Захар стал тем, кто меня в конце концов добил.

– В смысле не придешь? – агрессивно спросил он, когда я позвонила и сказала, что не смогу прийти из-за работы. – Ты, блин, издеваешься надо мной?!

Захар прежде не разговаривал со мной в таком тоне и мне стало очень неприятно из-за его реакции, но я могу его понять. Мы общались по телефону, но нам никак не удавалось встретиться из-за того, что он работает днем, а я по вечерам занята с Варей, да и выходных у меня практически нет. Я еще думала, какой он понимающий, ведь парень ни разу меня не упрекнул, лишь упрасивал пойти с ним куда-нибудь при первой возможности и говорил, что моя работа не отпугнет его, потому что я действительно ему нравлюсь и очень сильно.

– Захар, это не от меня зависит, ну что я могу поделать? –

пытаюсь мягко объяснить ему ситуацию, но он не желает слушать.

– Да мне почхать уже, я потратил свое время и деньги на эти чертовы билеты в випку! Ты просто обломщица, Надя! На этом все, поняла? Удали мой номер, я найду себе нормальную девчонку, которая не будет иметь мой мозг, строя из себя мисс невинность.

Он отключается, а я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы от обиды. Боже, какая же я дура! Так и не научилась разбираться в людях, а ведь должна была понять, что Захару от меня нужен был секс, иначе он не стал бы так замораживаться. Ну и поделом мне! Буду впредь знать, что не стоит доверять словам едва знакомого мужчины.

У меня уже и на Владимира злиться не получается, потому что, если бы он не сорвал мне свидание, все равно ничего бы не вышло, ведь я не из тех, кто спит с парнем, едва начав встречаться с ним. Мне нужно время, чтобы проникнуться к человеку, узнать его, начать доверять, потому что я всегда слишком замораживаюсь, не беря во внимание сиюминутные желания и импульсы.

Все-таки сумев удержаться от слез по жалкому человеку, я иду на диван к Варе и сажусь смотреть с ней мультики, чтобы отвлечься.

– Надь, а ты не уходишь? – тихо спрашивает меня девочка.

Я уже искупала и переодела Варю в пижамку, чтобы облегчить Владимиру задачу, когда он вернется с работы, так

что она уже собрана ко сну и теперь коротает оставшиеся до девяти тридцати часы.

– Нет, Варюш, пришлось все отменить, – отвечаю я ей. Ранее я предупредила ее, что встречаюсь с другом вечером.

– Тебе грустно? – жалобно спрашивает она, глядя на меня большими сочувствующими глазами.

– Немного, – пожимаю плечами, не желая обманывать ребенка.

Варя приподнимается и обнимает меня своими маленькими ручками, отчего я чувствую укол боли в груди, ведь, по сути, эта девочка – единственная, кто заботится обо мне, потому что больше просто некому. Настоящий маленький ангелочек.

– Не грусти, Надя, скоро папа придет, – говорит она, хлопывая меня по плечу, и я не могу сдержать смехок. – Когда он придет, я всегда пелестаю грустить.

Боже, ну какая же она прелесть!

Я сажаю Варю к себе на колени и звонко расцеловываю в круглые щечки.

– Ну, ты меня развеселила уже, малышка, так что мы и без папы не будем грустить, хорошо? Как насчет того, чтобы приготовить какао с зефирками?

– Ула-а-а-а! – подпрыгивает у меня на коленях девочка. – Я люблю тебя, Надя!

– Ох, малыш... – вздыхаю я, думая, что, пожалуй, только она и любит.

В такие моменты я, как никогда, скучаю по своим родителям. Если бы у меня были брат или сестра, я бы не была так одинока, чтобы искать любовь у любого, кто будет добр ко мне, но чего нет, того нет. Зато я сегодня получила еще один урок жизни.

Я приезжаю домой и нахожу девочек на диване, смотрящих мультики.

– Папа! – бежит мне навстречу Варя и я поднимаю ее, целую в лоб и думаю, как мне быть, когда она перерастет эту привычку встречать меня с искренней непосредственной детской радостью.

Я не особо сентиментален, но Варя – мой ребенок. Будь моя воля, она всегда оставалась бы маленькой милой девочкой, у которой самая масштабная проблема в жизни – это невозможность есть шоколадки вместо завтрака, обеда и ужина.

Достав из кармана пиджака ее любимую шоколадку, которые моя секретарша закупает коробками и хранит в одном из шкафов в кабинете, чтобы я не забывал, отправляясь домой, доставить своей малышке ее любимую сладость, я протягиваю ее ей и дочка облизывает мне щеки, попискивая, как довольный щенок.

– Спасибо, папа!

Она уносится обратно на диван, а Надя, в свою очередь, встает.

– Добрый вечер, Владимир Антонович, – здороваются девушка, пока я залипаю взглядом на ее фигуру, обтянутой тонким бордовым трикотажным платьем.

Значит, на свидание она наряжалась. Недурно. Да и с макияжем выглядит немного постарше, что только плюс, учитывая ее почти по-детски невинные черты лица. Однако, стоит Наде повернуться ко мне спиной, чтобы помочь Варе открыть шоколадку, как всякая мысль о невинности вылетает из головы, потому что у этой девушки самая шикарная задница из всех, виденных мною, и в этом платье, которое обрисовывает каждый изгиб ее тела, мне приходится очень постараться, чтобы отвести взгляд от такого искушения.

– Да, добрый, – прочищаю горло, с опозданием понимая, что со мной поздоровались. – Я пойду, переоденусь и вернусь.

Когда я дома, Надя избегает меня, оставляя наедине с дочерью, и на этот раз происходит так же. Как только я возвращаюсь, освежившись после работы, она исчезает у себя и остаток вечера мы проводим с Варей вместе, пока не приходит пора укладывать ее спать. После, я возвращаюсь в гостиную и обнаруживаю там няню, которая все еще не переделалась из этого чертового платья-искушения.

– Я иду спать, спокойной ночи, Владимир Антонович! – говорит она, заметив меня, забирая с консоли свою зарядку для телефона.

– Надежда, подождите, – окликаю ее и она останавлива-

ется, поворачиваясь ко мне лицом. — Я хотел уточнить время вашего выходного. Запишу себе в расписание в телефоне, чтобы на этот раз не забыть.

Она слегка морщится, затягивая паузу, а потом каким-то странным тоном отвечает:

— Мне уже не надо, Владимир Антонович.

— Почему? — останавливаю очередную ее попытку уйти к себе.

Надя выглядит так, словно очень не хочет обсуждать это, но мне теперь любопытно.

— Я не планирую свиданий в ближайшее время, а днем, пока Варя в саду, мне хватает свободного времени.

— Расстались? — зачем-то давлю я, и она резко кивает, отворачиваясь от меня, а я с опозданием понимаю, что девушка едва сдерживает слезы. Черт! — Жаль. Надеюсь, это не из-за меня?

— Нет, одно отмененное свидание не может сделать из человека придурка, если он изначально таким и был! — сердито заявляет она, но потом ее плечи снова опускаются. — Извините, я пойду.

— Подожди, — беру ее за предплечье, прежде чем сам осознаю, что сделал это движение.

Мы оба замираем, глядя друг на друга, и, хотя я не должен себе такого позволять, но ее участившееся дыхание и ожидающее выражение на лице ясно дают понять, что она тоже чувствует это напряжение между нами. И сейчас, только от

меня зависит, будет следующий шаг или нет, потому что Надя явно из тех покорных девушек, которых нужно вести за собой, а не дерзкая красотка, способная взять на себя инициативу.

Нужно ли мне это?

В данный момент – вне всякого сомнения. Я умираю от желания забыться в нежном женском теле.

В перспективе? Она няня моей дочери. Это вызовет проблемы. Конфликт интересов, мать его! Так что, я огромным усилием воли заставляю себя отпустить ее руку и отступить на шаг.

– Идите, Надежда, – говорю сухо. – Спокойной ночи!

Она недоуменно моргает и облизывает свои аппетитные пухлые губки, в которые мне до боли хочется впиться ртом, но потом все же отворачивается и быстро уходит.

Глава 6

Историю с Захаром я переживаю быстро, буквально за несколько дней, ведь он не успел оставить след в моей душе. Просто обидно за свою наивность, что не смогла разобраться в человеке. Но и это проходит.

Трагедия происходит в один из самых обычных дней. С утра я отвожу Варю в сад, а сама захожу в кофейню неподалеку, так как не успела позавтракать. После завтрака, уже собираясь домой, я вижу в витрине бутика, расположенного рядом с кофейней, шикарное лавандовое платье на манекене, мимо которого мне не удастся пройти, потому что это любовь с первого взгляда. Нерешительно захожу в бутик и решаю примерить платье, не желая узнавать его цену. Если дорого, то не смогу себе позволить, но хочется хотя бы раз увидеть себя в чем-то настолько красивом. Я успеваю только раздеться в примерочной, как начинает звонить мой телефон. Это номер новой воспитательницы Вари. Я не очень хорошо ее знаю, так как ее наняли после моего ухода, но мы вроде наладили контакт.

– Да?

– Надя, здравствуйте! – на одном дыхании выпаливает она. – Варе стало плохо, ее увезла скорая. Мы не можем дозвониться до ее отца, поэтому не могли бы вы...

– Что с ней?! – сразу начинаю паниковать я.

– Аллергическая реакция, – явно нервничая, отвечает она. – Но медики ее стабилизировали, думаю, угрозы уже нет.

– А она была? Что за аллергическая реакция?! Сыпь? Я ничего не понимаю!

– У нее случился отек Квинке, – нерешительно говорит воспитательница и у меня внутри все резко опускается.

Я знаю, что это такое. У нас есть дети-аллергики в саду, для которых есть ограничения в продуктах питания. И однажды мальчик, который стащил печенье с арахисом у друга чуть не задохнулся из-за отека Квинке. Это было ужасное зрелище и при мысли о том, что с Варей случилось подобное...

– Я еду в больницу, скажите мне адрес, – говорю, на ходу одеваясь обратно в свои вещи.

Я сразу же вызываю себе такси и пытаюсь по дороге дозвониться до Владимира, но он не берет трубку. Наконец, вспоминаю, что для экстренных случаев он заставил меня записать номер своей личной помощницы, которая сообщает мне, что он на данный момент разговаривает с клиентом у себя в кабинете. Я оставляю ей сообщение и, не проходит и пары минут, как Владимир перезванивает мне.

– Что с Варей? – грубо спрашивает он, явно так же на взводе, как и я.

– Мне позвонили из сада и сказали, что у нее случился отек Квинке. Варю увезли в больницу, но воспитательница

сказала, что перед этим ее стабилизировали. Я даже не знала, что она аллергик, Владимир Антонович! Я сейчас еду к ней, она, наверное, напугана.

– Я тоже выезжаю, – говорит он, судя по голосу, паникуя не меньше моего. – Пришлите мне адрес.

Отключившись, я пересылаю ему адрес, но, как назло, уже недалеко от места назначения попадаю в большую пробку. К тому времени, как я добираюсь до больницы, Владимир уже там. Я слышу его голос еще на подходе к регистратуре.

– С ней точно все в порядке? Я хочу ее увидеть! – требует он.

Я подхожу и встаю рядом с ним.

– Вы еще не видели Варю?

– Нет, где ты была?! – с горящими от гнева глазами, напускается он на меня.

Я заставляю себя проглотить обиду, потому что он так ведет себя из-за страха за дочь.

– Я попала в пробку. Нам можно будет увидеть Варю? Ее отпустят домой сегодня? Насколько все плохо?

– Я не знаю! – буквально рычит на меня мужчина и я прикусываю язык, чтобы не раздражать его.

Действительно, откуда ему знать, если он тоже только что приехал. Я от страха совсем поглупела. Решив не мешать, стою в сторонке, пока он разбирается с формальностями, а через пять минут мы уже входим в общую палату, куда распределили Варю. Бедняжка лежит, укрытая простыней, с

закрытыми глазами, и видимо спит. Ее личико заметно опухшее, но дыхание размеренное.

Владимир, несущийся на всех парах, резко останавливается при виде дочери и словно из него выкачали всю энергию, резко оседает на колени у ее кровати, осторожно, словно хрустальную, беря ее маленькую ручку в свою большую и тычась губами в ладошку, пока его взгляд неотрывно осматривает ее изменившееся из-за отека лицо. Бедняга посерел от страха и сейчас я вижу, как на его лице отображается весь спектр эмоций, от облегчения до муки. Момент настолько интимный, что мне становится неловко за свое присутствие, так что я тихонько отхожу на несколько шагов назад.

Какой же надо быть дурой, чтобы хоть на минуту подумать, что этот мужчина не способен любить, что его холодная маска – это не просто маска, но и то, кем он является на самом деле! Вот же она, настоящая родительская любовь! И никакое он не холодное чудовище, просто обычный человек с непростым характером.

– Варюш, – тихо шепчет Владимир, скорее себе, чем ей. – Малышка моя...

Голос срывается и он резко замолкает, а у меня почему-то слезы наворачиваются на глаза, но зашедший следом за нами врач неловко откашливается и это заставляет Владимира снова стать тем властным и холодным адвокатом, которого я знаю. Он встает на ноги и твердо встречает взгляд врача, явно намеренный получить ответы на все свои вопросы. И

учитывая, что Варя почти четыре года, а ни о какой аллергии до сих пор и речи не шло, мне тоже очень интересно, что могло вызвать в ее организме такую острую реакцию.

Моя дочь – аллергик. И почти четыре года ее жизни я, идиот, об этом не знал. Варя все это время сталкивалась с аллергенами, ела продукты, которые ей нельзя, вследствие чего мы просто посадили ей иммунитет и именно поэтому она постоянно болела. О чем вообще думал ее тупой педиатр, у которого она наблюдалась с рождения? Который работает в лучшей частной клинике города! Где он вообще свой чертов диплом получил?!

Я безумно зол, но стараюсь взять себя в руки, чтобы не упустить ничего из того, что объясняет мне врач из обычной больницы, куда привезла мою дочь скорая. Даже няня слушает его внимательнее, чем я, и задает нужные вопросы, из-за чего я чувствую себя еще более паршиво, если это возможно. Ничего не скажешь, отец года!

– Странно, что до сих пор не было таких острых реакций... – вставляет свое предположение врач и мне почти срывает башню.

Я вскакиваю на ноги и выхожу в коридор, пока не набросился на него. Хотя умом понимаю, что он-то уж точно ни в чем не виноват.

А ведь признаки были! Когда Варя ела фрукты, у нее на лице и руках иногда выскакивало два-три красных пятныш-

ка, но они проходили в течение нескольких часов. Мне и в голову не приходило, что эти незначительные пятна могут указать на серьезную аллергию. А ей, оказывается, в принципе нельзя есть свежие фрукты, как и многое другое!

Когда я захожу в палату, оставив врача на Надю в кабинете, Варя уже проснулась и плачет, сидя на кровати. У меня сердце леденеет при виде ее испуганного, несчастного лица.

– Малыш, я здесь, – подхватываю дочь на руки. – Все хорошо, Варя. Папа здесь. У тебя что-нибудь болит?

– Где ты был? – всхлипывая, вцепляется ручками в мой пиджак Варя. – Я испугалась, папа.

– Тебе не нужно бояться, все будет хорошо, – глажу ее по спинке. – Не плачь, малышка, все хорошо.

Я повторяю это снова и снова, но в глубине души знаю, что все *не* хорошо. Варя ребенок, она многого не понимает и ее жизнь с этого дня значительно изменится, потому что в ней появятся ограничения. Как объяснить ребенку, что ей нельзя есть все те вещи, которые она любит и которые я позволял ей раньше?

Вечером я сижу на диване с ноутбуком на коленях и шерстю интернет в поисках информации. Это то, что я обычно делаю, когда сталкиваюсь с проблемой – ищу любую доступную информацию, а потом выстраиваю стратегию для борьбы.

Надя незаметно подходит и садится в кресло рядом. Я

поднимаю на нее взгляд, но она молчит и просто смотрит в пол.

– Что такое? – задаю вопрос.

Я могу гордиться собой, потому что мое самообладание снова со мной. И это куда лучше, чем тот дрожащий от эмоций придурок, не способный нормально соображать, которым я был днем.

– Я думаю, в том, что случилось с Варей есть и моя вина, – говорит она, глядя на меня, как побитая собака. – На завтрак я дала ей кашу со свежими ягодами. У нее было покраснение на лбу, но я не обратила на это внимания.

– Покраснения у нее были и раньше, как и ягоды в рационе, – хмурюсь я. – К отеку привел киви, так что перестаньте страдать ерундой и лучше почитайте о том, как нужно вести себя в аллергиями, Надежда. Вы должны будете постоянно быть начеку и следить, чтобы она не съела что-то не то. Конечно, после всех анализов и консультации у аллерголога все будет понятнее, но неплохо бы перед этим изучить основную информацию.

– Я читала последние два часа разные статьи на эту тему, – поднимает подбородок Надя, глядя на меня с возмущением. – Я теперь знаю достаточно, чтобы не совершить ошибку. И я буду очень осторожна с Варей впредь.

– Хорошо, – киваю ей, и наши взгляды встречаются на долгие секунды, в течение которых мы оба замираем.

Я снова чувствую это. Химию между нами. Воздух словно

искрит, я могу поклясться, что стоит только дотронуться до нее – и все взорвется к чертям. Нас поглотит эта жажда, пока мы оба не получим то, чего хотим, и не успокоимся. Но так нельзя. Тем более при данных обстоятельствах.

– Я пойду, посмотрю, как там Варя, – видимо, приняв то же решение, что и я, спешит убежать Надя.

Я ее не останавливаю. Не говорю, что Варя спит и вероятно, проспит уже до утра. Как и того, что проверяю ее каждые полчаса, потому что боюсь, как бы у моей девочки не возникли проблемы с дыханием. Пусть уходит. Так легче для нас обоих. Учítывая, какой калейдоскоп эмоций я сегодня пережил, мои принципы не так сильны, как обычно, и не смогут долго меня удерживать, если она тоже решит поддаться инстинктам. Мне просто нужна разрядка, но моей дочери нужно гораздо большее и Надя пока – единственная взрослая, кроме меня, которая дает ей постоянство. Ближайшие месяцы будут сложными для моей девочки и я просто не могу травмировать ее психику еще больше, заменив няню.

Спустя какое-то время, я закрываю ноутбук и иду проверить Варю, прежде чем самому попытаться немного отдохнуть. Малышка спокойно спит, размеренно дыша, как и в прошлые разы, когда я заходил к ней. Поцеловав ее в лоб, я тихо выхожу и закрываю за собой дверь, но развернувшись, сталкиваюсь в коридоре с Надей в этой ее нелепой пижаме с мультяшными героями. И даже эта глупая вещь на ней не остужает мой пыл, когда я инстинктивно ловлю ее за талию

и наши груди соприкасаются.

– Я шла проверить Варю, – шепчет девушка, глядя мне в глаза и не делая ни единой попытки отстраниться.

– Я проверил, она в порядке, – тихо отвечаю я, немного сильнее сжимая ее узкую талию.

Надя замирает на полувздохе и опустив взгляд на мои губы, облизывает свои – пухлые и ярко-розовые безо всякой помады. Этого маленького неосознанного жеста хватает, чтобы смести весь мой самоконтроль к черту. И уже следующий свой вздох она делает в мой рот, ведь я в течение секунды успеваю принять решение и впиваюсь в эти красивые губы поцелуем, потому что терпеть становится невозможно.

Глава 7

Я стою на цыпочках, отчаянно вцепившись в плечи Владимира, чтобы не упасть из-за головокружения и дрожащих коленок. Он всего лишь целует меня, но ощущение такое, словно это самый откровенный опыт в моей жизни, потому что этот поцелуй такой...

У меня нет слов, чтобы описать те ощущения, которые заставляют меня испытывать его губы на моих. Я вся горю и таю от его ласк, чувствую, как наливается теплом кожа в том месте, где меня касаются его руки, и непроизвольно выгибаюсь в стальных объятиях, пытаюсь потереться ноющей грудью о его грудь. В моей голове нет не единой мысли, кроме той, которая вопит «Еще, еще, больше!».

Когда Владимир подхватывает меня под бедра, я с готовностью обвиваю ногами его торс, и пока он несет меня в свою спальню, охотно подставляю шею под обжигающие поцелуи-укусы. Он совсем не нежен, не предупредителен, не спрашивает, как я хочу, в общем, совершенно не похож на моего бывшего парня, действуя так, как сам считает нужным, и эта его властность, проявляющаяся даже в сексе, когда он, наконец, закрывает за нами дверь спальни и без промедления снимает с меня мою ночную рубашку, действует на меня еще более остро.

Темные, голодные глаза хищно осматривают меня с ног

до головы, прежде чем он делает шаг вперед и снова вжимает меня в свое твердое тело, атакуя ртом мою грудь и осыпая ее градом чувственных поцелуев. Мне хочется вылезти из собственной кожи – настолько обострились все мои чувства. Это одновременно больно и хорошо, но боль эта самая сладкая, мучительно нуждающаяся в освобождении. Владимир настолько сосредоточен на моем теле, что пресекает любую мою попытку раздеть его, отталкивая и сдерживая мешающие ему ласкать меня так, как он хочет, руки. Мои запястья оказываются окончательно скованными в его твердой хватке, когда его губы перемещаются с груди на живот, но к счастью, на этом и останавливаются. Я бы сгорела со стыда, опустись они хоть на пять сантиметров ниже!

Наконец, он снова целует меня в губы и я полностью отдаюсь этому поцелую, запуская пальчики в его мягкие волосы и непроизвольно поднимая бедра, желая ощутить прикосновения его руки там, чтобы через несколько секунд возникла с ширинкой и неловким звуком разрывающейся обертки средств защиты, ощутить, как он неотвратно соединяется со мной. Наши глаза в этот момент встречаются взглядами, а губы медленно разъединяются, но его взгляд полон чего-то темного, пугающе первобытного, и это последнее предупреждение перед тем, как Владимир завладевает мной полностью.

Мои стоны снова поглощены его ртом, пока мы движемся навстречу друг другу в бешеном ритме. Я не могу дышать,

не могу говорить, я вся во власти головокружительного удовольствия и мужчины, который дарит мне его. Даже его тяжелое дыхание и негромкое ворчание на ухо обостряют мои ощущения. Владимир удивительно сдержан внешне, хотя его прикосновения, дикий взгляд и жесткий ритм выдают его с головой. Я распадаюсь на части совсем скоро, царапая его спину и крича, в то время, как с ним это происходит тихо, с обжигающим укусом в мое плечо и сбившимся дыханием после.

Он почти сразу отстраняется от меня. Встает с кровати и идет в ванную, когда я не могу даже шевельнуть рукой от истощения. Мои мышцы дрожат, легкие горят, а в голове полная каша. Я лежу, уставившись в потолок, и только когда слышу, как он возвращается, отмираю, бросая на него нерешительный взгляд.

Владимир выглядит так, словно не он был со мной в кровати десять минут назад. Его волосы больше не растрепаны, а одежда в полном порядке. Я с горечью осознаю, что он даже не разделся во время нашего секса. Только спустил штаны. И сейчас смотрит на меня так, словно удивляется моему присутствию в этой комнате. Он ждал, что я уйду? Чувствую себя полной дурой и дешевкой.

Мне становится неуютно и стыдно под его холодным, недовольным взглядом, и прикрывшись руками, я быстро встаю и беру с пола сброшенную ночную рубашку, натягивая ее на себя как можно быстрее.

– Мы поговорим утром, Надежда, – более мягким, нежели его взгляд, голосом говорит мне Владимир. – Иди к себе и ложись спать. Это был долгий день.

Я не могу заставить себя ответить что-то, потому что слезы застилают глаза и я едва сдерживаю их. Поэтому, отрывисто кивнув, я практически бегу к себе, запирая за собой дверь своей спальни, чтобы вылить все свое унижение и разочарование в виде горьких слез и приглушенных рыданий в подушку.

Кажется, я не только разбила себе сердце этим необдуманным порывом, но и лишила себя нормального будущего, потому что Владимир не просто мужчина, в которого я глупо влюбилась, но и тот, на кого я работаю и кто платит мне зарплату. Вернее платил, ведь вряд ли он захочет, чтобы я осталась работать здесь и дальше. По его реакции уже можно понять, что он не в восторге от произошедшего и для него это был просто способ выплеснуть энергию и эмоции после трудного дня. Плевать он на меня хотел!

Я жалею, что сорвался. Пожалел, как только все закончилось. Потому что не вовремя, потому что Варе сейчас не нужен очередной стресс из-за смены няни. Мог ведь просто выйти из дома и найти любую женщину для секса! Но нет, накинулся на няню, как оголодавший пес на сочный кусок мяса. И да, мясо было вкусное, но это все же просто мясо.

Битый час прокручиваю в голове варианты нашего зав-

трашнего разговора, пытаюсь понять, какой лучше всего. Что заставит ее забыть об этом промежутке времени и остаться дальше работать на меня? Потому что я и пальцем ее больше не коснусь, если только она согласится. В конце концов, мы оба взрослые люди, было и было. Поддались моменту, скинули напряжение, тем более день был нелегкий для всех нас, включая мою бедную малышку, которую я иду проверить, в очередной раз убеждаясь, что с ней все в порядке.

Проснувшись утром и поняв, что дочка еще спит, я иду готовить завтрак, надеясь, что Надя выйдет раньше, чем Варя проснется. Так и происходит. Девушка заходит на кухню, одетая в велосипедки и широкую мужскую футболку. Волосы собраны в пучок на макушке, на лице ни капли макияжа. Она одета так же, как и всегда. Небрежно и с максимальным удобством. Значит, не старалась прихорошиться для меня и это успокаивает. Может, Надя и сама понимает, что не стоит придавать значения случившейся между нами близости.

– Доброе утро! – робко здоровается она.

– Доброе, – ровным тоном говорю я. – Хотите кашу?

Она вздрагивает, едва заметно, но это единственная реакция, которую я получаю на официальное обращение, которое нарушил ночью.

– Нет, спасибо, – звучит такой же ровный ответ.

Надя подходит к кофемашине, выбирая капсулу, а я наливаю кашу для себя и сажусь за стол.

– Надежда, нам нужно обсудить вчерашний день и прояс-

нить кое-какие вещи, – начинаю я. – Присядьте, пожалуйста.

– Я уволена? – дрожащим голосом спрашивает она, не спеша двигаться с места и глядя на меня с едва заметным страхом в глазах.

– Нет, если вы этого не хотите, – с облегчением отвечаю я, поняв, что раз она волнуется за свое место, значит должна согласиться забыть о произошедшем. – Я прошу прощения за свою несдержанность, но могу вас заверить, что этого не повторится, если вы останетесь работать на меня. Я не заинтересован в романтических отношениях, так что могу гарантировать, что не буду больше никак проявлять личный интерес к вам, но мне бы не хотелось лишаться няни, учитывая обстоятельства. Варя сейчас не в том состоянии, чтобы привыкать к новому человеку.

– Так мы... просто забудем обо всем? – с заминкой спрашивает она.

– Мне бы этого хотелось.

– Хорошо, Владимир Антонович, – кивает Надя. – Я бы хотела принять ваше предложение и сохранить свою работу. А также, я тоже должна заверить вас, что не питаю каких-либо романтических иллюзий в вашем отношении. Спасибо, что отнеслись к произошедшему так... практично.

Мне кажется или она язвит? По невинному выражению ее лица непонятно, но в голосе явно прозвучали саркастические нотки. Хотя, что с нее взять? Женщины склонны обижаться, поняв, что не стали предметом чьих-то грез после

даже самого крышесносного секса. Спущу ей это на сегодня, она еще молодая и видимо не понимает, когда нужно держать свое самолюбие в узде. Но в первый и последний раз! Мне не нужны постоянные напоминания или упреки с ее стороны. Посмотрим, как Надя поведет себя в ближайшую неделю. Если все будет, как обычно, то считай прокатило. Если же нет, придется снова сорваться на поиски идеальной для Вари няни.

Когда ее кофе готов, она берет чашку и просто уходит, не сказав мне ни слова. Это напрягает, но уже к обеду, когда Варя проснулась и поела, поведение Нади становится таким же, как и обычно. Никаких обиженных взглядов в мою сторону, никакой грубости и игнорирования. Это приносит мне свою долю облегчения, потому что проблем мне хватает и без женщины, на которую у меня нет ни времени, ни желания что-то предпринимать. Надо сейчас вплотную заняться здоровьем моей малышки.

Ближе к вечеру мне звонит мой двоюродный дед и я рассказываю ему последние новости.

– Вези ее ко мне, – посокрушавшись над Варей и обматерив неумех-врачей, предлагает он. – У меня есть знакомый аллерголог. Лучший специалист в России, голову даю на отсечение, если это не так! Геннадий Михайлович сделает все возможное, чтобы облегчить состояние Вареньки, потому что полное излечение, сам понимаешь, едва ли возможно.

Мнению деда я доверяю, он сам кардиохирург, академик и один из умнейших людей, которых я знаю. Вообще, в нашей семье все мужчины уже несколько поколений становились либо врачами, либо адвокатами. Я пошел по стопам своего покойного отца, а единственный внук деда Федот – по его, но, к сожалению, погиб, едва успев окончить первый курс. Так, из нашей когда-то большой семьи в живых остались только я, да дед, а теперь еще и Варя, в которой он души не чает.

Поговорив с ним, я решаю прислушаться к совету и начинаю планировать наш вылет в Питер. Послать Варю с няней я не могу, хоть мы и планируем жить в квартире деда, а значит, он будет рядом. Все же, не настолько я плохой отец, хоть и жутко занятой трудоголик. Придется как-то выкручиваться и брать незапланированный отпуск, но свою девочку один на один с болезнью я не оставляю.

Глава 8

– Надежда, сядь и позавтракай с нами, а то второй день уже гостите, а ты все как не родная, – зычным голосом требует Мирон Тимофеевич.

– А Надя не завтракает, – выдает меня Варя, четко произнося букву «р», что заставляет меня ощутить прилив гордости, хоть это и не моя заслуга.

Варя держится молодцом, хотя иногда у нее и случаются моменты, когда бедняжка не понимает, почему ей все подряд нельзя. И то нельзя, и это нельзя, а что тогда можно? Одни противные кашки? Я как могу сглаживаю ситуацию, но пока она не привыкнет, ей сложно даются перемены.

– Я и правда редко ем по утрам, – дружелюбно улыбаюсь я деду Владимира. – Другое дело кофе.

Он неодобрительно качает головой, демонстративно откусывая свою яичницу, и я в который раз поражаюсь обаянию этого пожилого мужчины.

Мы с Владимиром и Варей приехали в Питер, чтобы показать ее врачу, которого посоветовал Мирон Тимофеевич и остановились в его большой четырехкомнатной квартире. С того дня, как Владимир отшил меня, я старалась избегать его, хоть это и нелегко, но нам удастся придерживаться нейтралитета в наших взаимоотношениях. Не скрою, мне больно даже видеть его, но я не могу позволить себе думать о

своем душевном состоянии и гордо уйти, когда нахожусь по уши в долгах. То, что он не уволил меня – уже большое чудо, ведь насколько я поняла его характер, он предпочитает избегать любых трудностей, а его жизнь упорядочена до отращения.

В день нашего приезда Мирон Тимофеевич – высокий и худой мужчина с удивительно густой гривой седых волос и пронизательными темными глазами, встретил нас очень радушно. Мы с Варей быстро освоились на новом месте, нас поселили в одну спальню. Надо заметить, что квартира у Мирона Тимофеевича очень красивая, оформленная в стиле тридцатых годов, а сколько у него книг! В большой гостиной все стены занимают книжные полки от пола до потолка, не считая двух огромных окон. Я даже успела взять кое-что почитать вчера вечером.

– Ты готова, Варя? – спрашивает Владимир, до этого молча поглощавший свой завтрак.

– Да, пап, – нерешительно тянет бедняжка.

Сегодня первый визит к врачу. Я как могла убедила Варю, что ей не сделают больно, но меня с ней рядом не будет, так как Владимир сказал, чтобы я осталась дома. Его дед тоже с ними идет.

– Помни, что все будет хорошо, – уже на пороге, шепчу я девочке на ухо, целуя ее в мягкую щечку.

– Холошо, – угрюмо тянет она, не слишком убежденная.

После их ухода мне особо нечем заняться, так что я снова

читаю, а потом, поглощенная идеей, лезу в интернет, искать хорошего мастера, потому что у меня есть уже деньги и сразу по возвращении в Москву я собираюсь, наконец, заняться своими волосами.

Варя держится молодцом у врача, а по дороге домой засыпает в машине. Мы обсуждаем с Геннадием Михайловичем возможности АСИТ-терапии и я остаюсь вполне доволен предполагаемыми прогнозами, хотя, конечно, нужно еще смотреть на анализы.

– Мне нравится новая няня Вари, – решает, вдруг, сменить тему дед по дороге домой, хотя до этого мы обсуждали сказанное Геннадием Михайловичем. – Милая девочка, намного лучше той сварливой карги, которая была до нее.

– Варе она тоже нравится, – говорю я.

Я чувствую на себе изучающий взгляд, но игнорирую это ощущение, потому что, зная деда, стоит ему заметить хоть малейший намек на слабость, как он от меня не отстанет, пока я не выложу ему все. А мне не хочется распространяться о своем несдержанном, глупом поступке. К тому же, зная его, он сразу же начнет сватать мне эту «милую девочку».

– Как у тебя на личном фронте? Есть отношения?

– Нет и я не хочу это сейчас обсуждать.

– Ты никогда не хочешь, – хмыкает он. – А время, между тем, идет.

Воцаряется пауза, но ненадолго, потому что он упрямо

продолжает давить.

– Она смотрит на тебя с тоской. Небось влюбилась, а? Увы, молодые девушки часто влюбляются в неподходящих мужчин.

– Почему это я неподходящий? – спрашиваю я, прежде чем до меня доходит, что я самым глупым образом попался на эту детскую уловку. Вот блин!

Дед выпускает веселый смешок, прежде чем хлопнуть меня по предплечью.

– Лопух ты, Володя! Ой, лопу-у-у-х! Но я не буду ничего тебе говорить. Ты у меня мальчик взрослый, сам поймешь.

– Очень информативно, – фыркаю я, размышляя, на что он намекает.

Если дед считает, что у меня может что-то быть с Надей, то он ошибается. То, что могло – уже было, а большего мне не надо, даже если она и правда смотрит на меня с тоской. В одном он прав – молодые девушки влюбляются. И так же легко забывают, стоит им встретить кого-то нового. Но я рад, что он решил не развивать эту тему.

Дома дед ведет себя образцово. Не подставляет меня перед Надей, не задает ей неловких вопросов, так что я успокаиваюсь. После ужина, который она приготовила собственноручно, получив от деда множество похвал, мы перемещаемся в гостиную, где меня приглашают сыграть партию в шахматы. Я, естественно, не отказываюсь, так как это у нас с дедом уже традиция, но когда Варя с Надей начинают вслух

читать сказку на диване, все время отвлекаясь на ее чертов мелодичный голос, проигрывая в сухую, из-за чего зарабатываю от деда еще один взгляд, говорящий «Я вижу тебя насквозь, лопух». Ненавижу, когда он прав!

Владимир очень грамотно избегает меня, не показывая, что между нами что-то не так, но мне кажется, что Мирон Тимофеевич догадывается. Уж очень проницательно он смотрит на меня каждый раз, когда его внук заходит в комнату. А вообще, проводить вечера с дедушкой Владимира очень интересно, потому что он отличный собеседник, рассказывающий разные истории из своего прошлого.

– Был у меня один пациент сорока лет, которому требовалась операция и шансы были примерно пятьдесят на пятьдесят. Его жена очень переживала, постоянно была рядом с ним, подбадривала, хотя сама была в полном отчаянии, по ней было видно. Я проникся симпатией к этой паре, так как эта женщина очень напоминала мне мою покойную жену. И когда операция прошла успешно, она буквально целовала мне руки, и всю ночь молилась, отказываясь уходить из больницы, пока ее муж лежал в реанимации. Реабилитацию он проходил у моего коллеги и знаете, что тот рассказал? Уже к концу своей реабилитации, этот урод развелся с ней, заявив, что на грани смерти понял, что никого не оставил после себя в этом мире и он хочет детей, а она, видимо, не могла родить. Как будто мир нуждается в детях с его генами

морального уroda и эгоиста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.